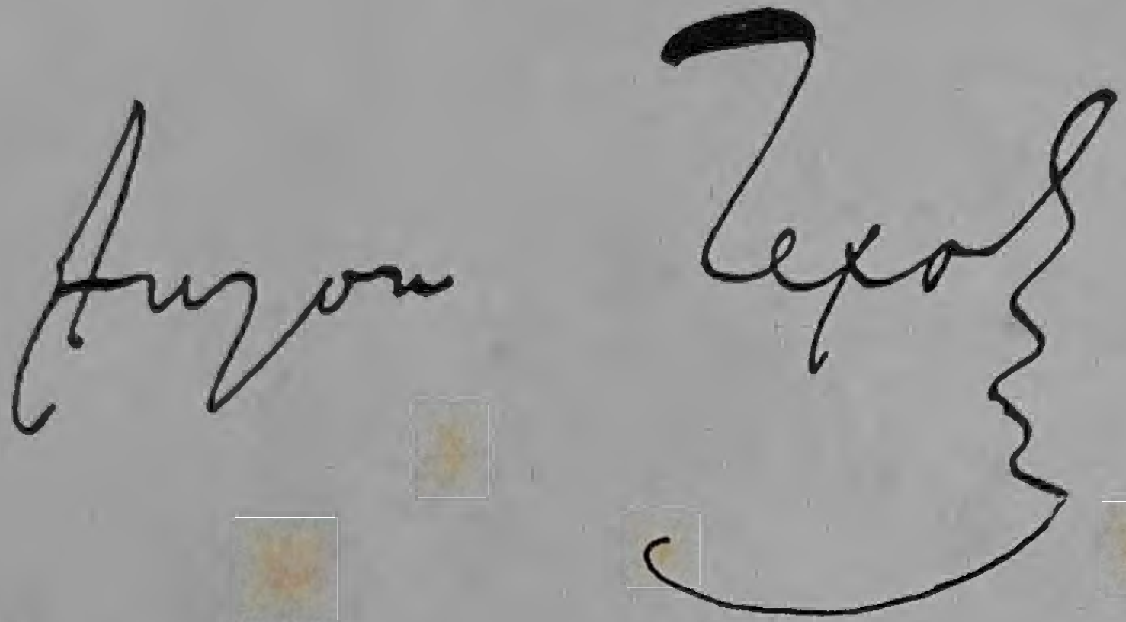
ЧЕХОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

:: СБОРНИКЪ ::
ВОСПОМИНАНІЙ

О ЧЕХОВ



Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. Чеховъ въ разные годы своей жизни.

Петербургъ, 1902 г.

Цѣль настоящаго сборника едва ли нуждается въ поясненіи и оправданіи.

Какъ только умеръ А. П. Чеховъ, сейчасъ же страницы газетъ и журналовъ стали заполняться всевозможными воспоминаніями объ ушедшемъ отъ насъ въ вѣчность дорогомъ писателѣ.

*И хотѣлось сказать, пишетъ одинъ журналистъ: „Боже, кто только не писалъ о Чеховѣ, кто только не „вспоминалъ“ о немъ! Какое потрясающее множество друзей оказалось у него“ *).*

И это такъ. Но среди этого „множества“ ярко выдѣляются воспоминанія друзей А. П. и его младшаго брата М. П.—вошедшихъ въ настоящій сборникъ. Всѣ вошедшія въ этотъ сборникъ воспоминанія въ свое время были уже въ печати, но вмѣстѣ, дающія столь полное освѣщеніе обаятельной личности вспоминаемаго писателя не появлялись, развѣ только за исключеніемъ сборника „Памяти А. П. Чехова“, издан. Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ 1906 г., куда вошли воспоминанія И. Бунина, М. Горькаго, В. Ладыженскаго, А. Куприна, М. Чехова и А. Ѳедорова.

Настоящій же сборникъ пополненъ кромѣ того воспоминаніями: Л. Авиловой, И. Бѣлоусова, С. Елпатьевскаго, Е. Карпова, Вл. Короленко, Jules Legras, П. Сергѣенко, Влад. Тихонова. Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній были исправлены для настоящаго сборника.

---

*) „Биржс. Вѣд.“ № 11523. 1910 г. ст. Фингала.

Кромѣ перечисленныхъ выше воспоминаній, въ настоящій сборникъ вошли статьи: „Кончина и похороны А. П. Чехова“, „Итоги юбилея“ (по поводу 50-лѣтія со дня рожденія А. П.), П. Боборыкина „Въ Баденвейлерѣ“ и Г. Брандеса „Антонъ Чеховъ“.

Сборникъ иллюстрированъ снимками въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ.

Составитель настоящаго сборника приноситъ свою благодарность всѣмъ авторамъ, предоставившимъ свои воспоминанія для настоящаго сборника, лицамъ предоставившимъ иллюстраціонный матеріалъ и С. Я. Елпатьевскому за цѣлый рядъ очень цѣнныхъ указаній.

Кончина Чехова произвела на многихъ впечатлѣніе семейной потери, пишетъ одинъ критикъ,—до такой степени роднилъ онъ съ собою, плѣняя мягкой властью своего таланта.

И это было такъ.

— Мнѣ кажется, что въ моемъ домѣ нынче покойникъ;—сквозь слезы вырвалось у одной моей знакомой, разсказываетъ А. Ѳедоровъ, когда она узнала о смерти Чехова.

Антонъ Павловичъ Чеховъ умеръ!

—И я зналъ, разсказываетъ А. Амфитеатровъ, получивъ телеграмму о смерти писателя, что, если выбѣгу и крикну, то замолкнутъ, скованные ужасомъ голоса, и онѣмѣетъ унылая рѣка, и надвигающіеся сумерки накроютъ ее, какъ черный трауръ, потому что голосъ мой, отравленный рыданьями, прозвучалъ бы тою же безысходною тоскою, какъ тотъ голосъ, который возвѣстилъ когда-то греку-корабельщику въ Іоническомъ морѣ:

— Скончался великій Панъ!

«Да! умеръ великій Панъ! великій Панъ русской природы русскаго бытового уклада, разносторонней русской скорби, немногихъ, скромныхъ и робкихъ русскихъ

Москва, 1903 г.

радостей. Умеръ человѣкъ, который дышалъ одною жизнью съ Россіей, который весь былъ сотканъ изъ русской стихіи, грустной, покаянной, самопровѣряющей, самобичующей»...*).

Чеховъ умеръ въ тотъ моментъ, когда умирала чеховская Россія. Умирала медленно, тихо, незамѣтно, подъ салюты, несшіеся съ Дальняго Востока. Мы не чувствовали этого умиранья, продолжая уныло жить подъ чернымъ небомъ реакціи, подъ ея свинцовымъ давленіемъ. Кто былъ пророкомъ, кто могъ бы тогда сказать, что недалеки свѣжія, свѣтлыя бури, что недалекъ переломъ, что такъ скоро загорится заря будущаго? Устало тащилась жизнь, устало думали люди, руки опускались не у пессимистовъ только, грохотъ войны, казалось, заглушилъ все человѣческое.

Медленно, тихо, незамѣтно гасъ писатель. Цѣпкая, неотвязчивая болѣзнь подтачивала давно его силы, но прекрасный духъ его гордо боролся съ злымъ врагомъ, упрямо не сдавался, и творческая мысль работала непрерывно. Страдальческая жизнь тянулась мучительно долго, жизнь врача — безпощаднаго аналитика, слѣдившаго всею остротой своей тонкой мысли за разрушительной болѣзнью и съ трагической простотой шедшаго навстрѣчу къ давно открытой могилѣ. Лично онъ ежесекундно чувствовалъ лишь печальныя дали съ неизбѣжнымъ, томительно длиннымъ концомъ. Какъ писатель, онъ продолжалъ создавать своимъ перомъ мощныя, какъ мраморъ, изваянія художественной мысли и страдая земною болѣзнью, радовался неземными радостями творчества.

Красивый художникъ олицетворялъ свою родину. И она была больной и хилой, и въ мукахъ страданій работала ея коллективная мысль. Прекрасный духъ народа гордо боролся съ злымъ врагомъ, упрямо не сдавался, и творческая работа продолжалась непрерывно. Страдальческая жизнь тянулась мучительно-долго, тѣлесная,

---

*) А. Амфитеатровъ „Курганы“, стр. 4.

грубая, физическая оболочка разрушалась и уничтожалась безпощадно-медленно, но поле, усѣянное мертвыми костями, зеленѣло уже радостными всходами, и новые, сильные ростки творчества ткали цвѣтной коверъ будущаго.

Умерло, разрушилось, уничтожилось тѣло писателя, остались безсмертными созданія его духа. Умерло грубое тѣло нашего прошлаго, остались безсмертными наши безумно-страстные порывы къ свободѣ и остался безсмертнымъ нашъ безумно-страстный и рѣшительный шагъ къ свѣтлому будущему. И какъ не умеръ Чеховъ, такъ никогда не умретъ, какая бы трагедія насъ ни ждала, вызовъ, брошенный молодой Россіей своему прошлому.

И правъ поэтъ, когда говоритъ:

„Онъ съ нами, наконецъ, и въ дѣтской вѣрѣ той,
Что человѣчество низвергнетъ узы плѣна,
И будетъ жизнь еще прекрасной и святой!...
Онъ съ нами навсегда: душа его родная,
Всѣ наши тягости, сомнѣнія, муки зная,
Намъ издали даритъ свой грустный тихій свѣтъ,
Какъ тихая звѣзда надъ мутными волнами...
И вѣрю: съ Чеховымъ для насъ разлуки нѣтъ,
Пока душа жива—я знаю,—Чеховъ съ нами!“

Да, «пока жива душа—Чеховъ съ нами», и поэтому о Чеховѣ можно писать очень много, ибо хочется припомнить каждую его яркую мысль, остановиться на каждомъ значительномъ выраженіи...

И поэтому ни объ одномъ русскомъ писателѣ еще не появлялось послѣ его кончины такого количества воспоминаній о немъ, разсказовъ о встрѣчахъ съ нимъ, случайныхъ разговоровъ и подхваченныхъ на лету «словечекъ», сообщеній его писемъ и т. д., при общемъ благоговѣйно-любовномъ отношеніи къ его личности и какой-то особой сердечной симпатіи къ его духовному облику, какъ объ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. И мнѣ кажется, что всѣмъ хотѣлось въ этихъ замѣткахъ отмѣтить только нѣкоторыя и притомъ общія черты того цѣ-

Москва, 1895 г.

лостнаго впечатлѣнія, которое производилъ на нихъ почившій писатель.

«Не разъ я хотѣлъ писать о Чеховѣ, но мнѣ было такъ трудно передать свои воспоминанія, пишетъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Почему-то онъ представляется мнѣ весь въ нѣжныхъ, едва уловимыхъ тонахъ». И не на одного Вас. Ив. Немировича-Данченко производилъ Чеховъ такое впечатлѣніе, а на всѣхъ кто хоть разъ въ жизни видѣлъ его.

А «нѣжность» эта исходила изъ удивительнѣйшей необыкновенной простоты, я сказалъ бы «чеховской простоты».

Вотъ что объ этомъ разсказываетъ Влад. А. Тихоновъ, какъ только познакомился съ Чеховымъ: «мы вошли въ кабинетъ и... были уже знакомы, т.-е. случилось что-то странное: черезъ минуту я сидѣлъ на какомъ-то диванѣ и курилъ, а Антонъ Павловичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и тоже курилъ и говорилъ со мной, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ уже давнымъ-давно знакомъ и съ которымъ не видался всего какихъ-нибудь два—три дня, но за эти два—три дня накопилось кое-что, о чемъ надо поговорить. И онъ говорилъ объ этомъ, а я смотрѣлъ, отвѣчалъ, самъ старался говорить и чуть уже ему не завидовалъ.

— Боже мой! Что это за удивительная простота, думалъ я. Откуда она? Чѣмъ она достигается?

И эта простота, не есть пренебреженіе человѣка, чувствующаго себя выше своего собесѣдника и думающаго: мнѣ дескать, все равно, что ты обо мнѣ подумаешь! Я, дескать, себѣ цѣну и самъ знаю; это не простота человѣка, привычнаго къ безчисленнымъ посѣщеніямъ и новымъ знакомствамъ, нѣтъ, это простота какая-то органическая, это именно та простота, съ которой каждый человѣкъ долженъ бы подходить къ другому человѣку: ты, дескать, человѣкъ, я — человѣкъ, стало быть, мы братья».

И эта простота въ связи съ такой же скромностью были обаятельны въ своемъ величіи.

И даже въ медовой мѣсяцъ, когда А. С. Суворинъ влюбился въ молодой талантъ и старался расчистить его дорогу отъ неизбѣжныхъ толчковъ и терній, самъ Чеховъ отошелъ въ сторону отъ такъ поздно выпавшаго на его долю головокружительнаго успѣха, смотрѣлъ на восторги вчера еще невѣдавшаго его читателя извнѣ и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ повторялъ не разъ:

— Вотъ еще нашли... это все Григоровичъ съ Бѣжецкимъ выдумали, а Суворинъ имъ повѣрилъ... Талантъ!... А я ужъ сколько времени такъ пишу.

И уже будучи большимъ писателемъ Чеховъ всегда былъ такимъ скромнымъ.

Чеховъ терпѣть не могъ разговоровъ о своихъ произведеніяхъ. Не выносилъ также и даже скромной бесѣды о себѣ. . . .

— Давайте о другомъ... Тоже нашли предметъ...

Или дѣлался мрачнымъ.

— Знаете, за границей однимъ хорошо: никому до тебя никакого дѣла...

Ходи вольно. А то, помилуйте, пошелъ я въ Тѣстовъ трактиръ обѣдать, а какой-то купецъ напротивъ, увидѣлъ меня, поперхнулся и всю даму рядомъ обрызгалъ. Что-жъ тутъ красиваго? Не даютъ растегая съѣсть...

Какъ-то, въ Петербургѣ уже, вышли мы, разсказываетъ Вас. Иван. Немировичъ-Данченко, съ нимъ отъ пріятеля.

— Они говорятъ, а, вѣдь, я имъ не вѣрю.

— То-есть, какъ же это?

— Очень просто. Иной разъ кажется: выдумали они меня нарочно и тычутъ мною въ глаза кому-то...

Итакъ всегда. А когда Чеховъ узналъ, что съ нимъ хочетъ познакомиться Л. Н. Толстой, какъ то странно сконфузился, почти-что испугался.

— «Какъ это я вдругъ съ нимъ, съ *самимъ*, разговаривать стану»!

Боюсь...

И это была исключительная натура.

Съ какой любовью и заботливостью относился Чеховъ къ молодымъ дарованіямъ.

Каждымъ молодымъ дарованіемъ Чеховъ очень интересовался, разсказываетъ А. Ѳедоровъ, разыскивалъ вездѣ, поддерживалъ своими совѣтами, указаніями. Онъ зналъ по себѣ, какъ тяжело въ молодости работать безотзывно, и съ особенною ласковостью, чуткостью и вниманіемъ, какъ старшій братъ протягивалъ свою руку и въ случаяхъ неудачи говорилъ:

— Это ничего, знаете. Это даже хорошо. Заставляетъ строже относиться къ себѣ. Надо только работать какъ можно больше.

И этотъ большой человѣкъ находилъ возможнымъ утѣшить другихъ, поддерживать, самъ нося въ своей груди ужасную болѣзнь и зная какъ врачъ, что его ожидаетъ.

И опять это тихое страданіе, какъ и смерть его безъ мукъ, безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь остановилась...

Прекратилась великая жизнь, великаго человѣка...

А, какъ хотѣлось жить...

— Да, всѣмъ жить! говорилъ какъ-то Чеховъ своему знакомому. И этой, вонъ паршивой собакѣ, если ее фурманщикъ не зарѣжетъ... А я буду «упокояться въ блаженномъ успеніи». И, вѣдь, знаете... Такъ жить хочется! Чтобы написать большое—большое. Къ чему-то крупному тянетъ, какъ пьяницу водку... А въ ушахъ загодя—«вѣчная память».

Въ этотъ день былъ великолѣпный закатъ.

Чехову строго-настрого было приказано проводить его въ комнатахъ съ закрытыми окнами.

— А все-таки я ее надую.

— Кого?

— Смерть... Врутъ все, и вовсе мнѣ не опасно, и зачѣмъ только я ихъ слушаю. У кого нынче грудь сильна? Чепуха! У меня родные были,—и похуже моихъ легкія, а до семидесяти доживали. Это скверно — самому быть докторомъ. Все преувеличиваешь. На что вы не обратите вниманія, для меня показатель. А показатели эти—брешутъ и только жить экскулапамъ мѣшаютъ. Возьму

да и наплюю и всѣхъ надую. Пожалуй, даже до такого нахальства дойду, что, какъ***, ни однѣхъ похоронъ не пропущу, надъ каждой свѣжей могилой буду рѣчи произносить.

Или:

— Врачи наврали про мою болѣзнь, а я ей повѣрилъ... Еще какъ поживемъ.

Да, поживемъ...

Но вотъ въ ясное солнечное іюльское утро его не-стало...

Чеховъ... Это былъ прекрасный сонъ. Но мы видѣли себя у источника безсмертной красоты и божественной правды. Мы смотрѣли и думали, что будемъ черпать изъ этого источника безъ конца...

Чеховъ умеръ...—источникъ изсякъ и падали слезы на крышку гроба... и тихій печальный голосъ шепталъ:

«Вѣчная память».

Владимиръ Брендеръ.

8-го апрѣля 1910 г.